

Комбат. Вырваться из «котла»!

Автор:

Олег Таругин

Комбат. Вырваться из «котла»!

Олег Витальевич Таругин

Комбат #1

XXIII век. Хотя Земля живет в мире уже несколько поколений, Россия продолжает «держат порох сухим». И каждый выпускник Военной Академии должен пройти стажировку в прошлом, на Великой Отечественной, ибо научиться воевать по-настоящему можно лишь на этой войне...

1941 год. В тело молодого комбата Красной Армии десантировано сознание курсанта из будущего. Он примет боевое крещение на рассвете 22 июня. Его учебное задание: не просто вывести из «котла» свой батальон, но и предотвратить полное окружение советских войск в Белостокском выступе. Вот только на этих учениях стреляют не холостыми, а боевыми и умирают по-настоящему...

Олег Витальевич Таругин

Комбат. Вырваться из «котла»!

© Таругин О., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (forum.amahrov.ru).

Отдельная благодарность Борису Каминскому (Синицыну).

Спасибо большое, друзья!

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события отчасти выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Действующие лица романа и названия некоторых географических объектов также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения. Имена некоторых командиров РККА изменены или вымышлены.

Пролог

Терра-3, далекое будущее, за год до описываемых событий

Пара «Ми-50КА» воздушного прикрытия прошли, казалось, над самой головой – неслышимые удары гравитационных двигателей отдались в груди неприятной вибрацией, словно выворачивающей тело изнутри. На самом деле до ударных гравилетов класса «космос – атмосфера» оставалось никак не меньше полусотни метров – спустись они еще ниже, вжимающимся в грунт чужой планеты бойцам штурмовой роты 42-го мотопехотного полка пришлось бы совсем плохо. Впрочем, ничего подобного произойти не могло: пилоты прекрасно знали, кто находится под ними. Система опознавания выдавала на забрала пилотских

шлемов соответствующие отметки, подсвечивая своих зеленым светом, а противника – красным. Окажись боевые машины ниже допустимой высоты, бортовой компьютер выдал бы соответствующее предупреждение, принудительно перейдя на автопилот и не позволяя размазать «сухопутков» по поверхности мятежной планеты.

Заслонки оружейных отсеков убрались в корпус, и борта обоих «полтинников» озарились вспышками разгонных блоков стартующих ракет. Дымные шлейфы рванулись в сторону находящегося в полукилометре укрепленного пункта противника, и перспективу заволочло пронизанным огненными всполохами дымно-пыльным маревом. Взрывная волна вынесла остатки окон, сорвала крыши и разметала заборы у оказавшихся на директрисе удара заброшенных промышленных зданий; смяла собранные из металлопластиковых панелей приземистые ангары. В следующее мгновение пыльное цунами рванулось обратно, вбивая в пустые коробки складов и административных построек поднятый взрывом мусор и обломки. В полном соответствии с законами физики воздух стремился занять область пониженного давления, кислород в которой выгорел в тысячные доли секунды: два десятка выпущенных ракет были оснащены объемно-детонирующими боевыми частями.

«Пятидесятые» разошлись в стороны, разворачиваясь. Барабанные перепонки вновь неприятно вдавило: от гравитационной волны не спасал даже полугерметичный шлем штурмового комплекта третьего класса защиты. Но командир роты капитан Кобрин уже не обращал на подобные мелочи никакого внимания: на командирском планшете высветилась разрешающая атаку пиктограмма. Обозначающие противника отметки разом окрасились красным и оранжевым, причем последних оказалось меньше дюжины, и Сергей злорадно ухмыльнулся. Летуны отработали на отлично, коль из почти сотни рыл осталось всего десятков раненых! И это с первого захода! Конечно, кто-то наверняка успел укрыться в экранированных подземных убежищах, и потому система опознавания на борту висящего на низкой орбите разведчика их пока не видит, но уцелевших просто физически не может быть много – не батальон же тут засел? Да и летуны никуда не делись – набрали высоту и барражируют над районом, готовясь, случись что, снова прийти на помощь. На второй залп у них боекомплекта хватит. Вот только когда штурмовая рота зайдет в пригород, смысла от авиаподдержки уже не будет: внутри БЧ даже самой умной «интеллектуальной» ракеты находится обычная глупая взрывчатка, для которой что свои, что чужие – все равно...

Коснувшись сенсора, Сергей активировал командирский канал:

– Всем номерам – атака по схеме «поселок». Разделиться, пропустить вперед броню. «Коробочки», встречаемся в квадрате «три», огонь по усмотрению. Четные, держать фланги. Индзащиту – в максимальный режим, батареи не экономить. Готовы? Начали!

В радиогарнитуре что-то почти неразлично – похоже, где-то все еще работал вражеский комплекс РЭБ, забивая радиоэфир помехами, пробубнил командир танкового взвода, и приземистые туши бронемашин, отключив маскирующие поля, сорвались с места. Кобрин на всякий случай бросил взгляд на выводимые на забрало шлема данные: да нет, нечего и волноваться, подавитель у них слабенький, не мощнее второго класса, глушит только радиосвязь, да и то не дальше километра. Ну и хрен с ним, можно и без этого обойтись. Все, вперед, до разрушенного авиаударом укрепрайона всего метров пятьсот, не то что пробежать – доползти можно.

С противником столкнулись, когда почти прошли полуразрушенный промышленный сектор: еще совсем недавно здесь располагалось хозяйство какой-то коммерческой фирмы, судя по обилию складских помещений занимавшейся логистикой. Полностью уничтоженные взрывами постройки не осматривали, без опаски продвигаясь дальше, – в нагромождениях смятых ударной волной строительных конструкций не было ни живых, ни раненых, сканеры биоактивности показывали лишь неорганические материалы. На показания же термодатчиков Кобрин вовсе не смотрел: после удара гипербарическими боеприпасами вокруг оставалось полно очагов повышенной температуры.

Идущие первыми танки, как могли, расчищали путь, сминая обломки гусеницами и распахивая бронированными лбами. Порой они останавливались, получив с орбиты целеуказание, плавно ворочали приплюснутыми башнями и производили несколько выстрелов по известным лишь командирам бронемашин мишеням. Впереди вздымались могучие кусты разрывов: ОБТ типа «Т-114» вооружались не плазменными излучателями или малокалиберными электромагнитными скорострелками, а старыми добрыми гладкоствольными 152-мм пушками «5А103-2М» образца 2110 года. Орудие хоть и не новое, но по-прежнему вполне эффективное, особенно когда лупит, вот как сейчас, управляемой ракетой с объемно-детонирующей боевой частью.

В очередной раз отстрелявшись, «коробочки» двинулись вперед – и вот тут уцелевшие защитники опорного пункта проявили себя. Откуда именно стреляли, Кобрин не заметил, но вокруг одного из идущих в авангарде танков вдруг полыхнул сработавший силовой экран, принимая на себя энергию удара, но мощность вражеского боеприпаса оказалась выше, и боевая машина резко остановилась. Отметка на планшете изменила цвет на желтый, мигнула – и покраснела. Все, экипаж погиб, хоть танк так и не загорелся, видимо, сработала система пожаротушения. Вот только помочь танкистам это уже ничем не могло...

А дальше отвлекаться стало некогда: почти сразу же подбили вторую бронемашину, и тут же загрохотало со всех сторон. Отстраненно подумав, что противника отчего-то слишком много и все это напоминает классическую ловушку, капитан отдал приказ рассредоточиться. Пока бежал к примеченному укрытию – перевернутому близким взрывом погрузчику – и плюхался на брюхо за массивной кран-балкой, успел вкратце ознакомиться с тактической обстановкой, поступающей на внутреннюю поверхность забрала шлема. Обстановка в целом не радовала: за неполные десять секунд боя – минус две «коробочки» вместе с экипажами и трое раненых среди его парней, один, судя по интенсивно-оранжевому цвету отметки, тяжелый.

Три уцелевших танка взвода разошлись в стороны и с ходу врубались в развалины, укрываясь от огня портативных одноразовых плазмометов, дальних потомков РПГ XX–XXI веков. В отличие от прародителя это оружие было одинаково эффективно как против бронетехники, так и атмосферных летательных аппаратов или укрепленных огневых позиций. Двум «коробочкам» маневр удался, третьей повезло меньше – с первого попадания разбили ходовую: противник использовал что-то весьма современное, двух-, а то и трехконтурное, способное пробить силовое поле и оказать достаточное запреградное воздействие.

Рядом коротко полыхнуло, раскидывая в стороны обломки и пыль, волна раскаленного воздуха впечатала капитана в искореженный остов погрузчика. Светофильтры шлема мгновенно потемнели, защищая глаза от вспышки, но Серега все равно непроизвольно зажмурился. Взыли внешние сенсоры, показывая критическое повышение температуры и падение уровня защиты бронекompлекта на 40 %. Ого, еще немного – и зажарился бы внутри, словно в микроволновой печи! Плазмой долбанули, суки, не пожалели заряда, будто он танк какой! Кто ж это такой меткий? А, вон кто – выбравшийся из развалин инсургент в почти таком же, что и у Кобрина, бронекостюме отбросил в сторону

использованный тубус одноразового плазмомета и сдернул с захватов внешнего каркаса новый. Ну уж нет, тут хрен тебе!

Прицельная марка на посветлевшем забрале захватила цель, и капитан, довернув ствол, дал недлинную очередь из штурмовой винтовки, процессор которой был напрямую сопряжен с центральным чипом СУО его шлема. Оружие коротко завибрировало в руках – компенсатор штатной безгильзовки «АК-700» гасил отдачу больше чем на 80 % – и противник, несколько раз судорожно дернувшись, опрокинулся на спину, выронив так и не поставленный на боевой взвод плазмомет. Готов, можно не проверять: попаданий 10-мм спецпатронов никакая индивидуальная броня не выдержит! Собственно, вон, и отметочка на дисплее покраснела – «орбита» подтвердила поражение цели.

Срезав очередью еще одного боевика, выскочившего на открытое место следом за товарищем, Кобрин сменил позицию. Вовремя: остов перевернутого погрузчика за спиной вспух огненным бутоном, развалившись на две пышущие жаром половины. Жарко полыхнули резиновые бандажи колес, взорвался, рассыпая искры, электродвигатель. Неподалеку еще раз оглушительно рвануло, заставив сработать демпферную систему шлема: то ли танк выстрелил, то ли по танку попали, заставив сдетонировать боекомплект.

Укрывающиеся среди руин бойцы роты тоже вступили в бой – противника хватало, со всех сторон грохотали гулкие выстрелы штурмовых «семисоток», практически беззвучно шипели, выплевывая заряд, плазменные винтовки, и резко хлопали преодолевающие звуковой барьер оперенные стрелки электромагнитного оружия. Как мило! Судя по отметкам на тактическом планшете, врагов оказалось немногим меньше, чем атакующих. Значит, все-таки засада. Похоже, ребятам из особого отдела будет чем заняться – эдакая зарубочка в памяти на будущее, – пусть поломают умные головы, откуда здесь столько солдат противника. И, самое главное, каким образом они оказались не замеченными сенсорами орбитального разведчика! По укрытиям сидели? Так ведь сканеры пробивают на десяток метров вглубь, и мощности разведка никогда не жалеет, попутно сжигая врагу всю неэкранированную электронику! Очень, знаете ли, странно...

– Нулевой, – раздался в гарнитуре запыхавшийся голос взводного-два, лейтенанта Дубровина. Связь оказалась на удивление хорошей, видимо, танкистам все-таки удалось угрохать вражеский «глушак», – здесь Второй, нахожусь левее на три – семь. Зажали нас, у них тут зенитная спарка на прямой

наводке, головы не поднять. Укрылись за фундаментом разбитого склада, но бетон долго не выдержит, плазмой бьют. У меня два «трехсотых», один «двухсотый». Сбрасываю пакет данных, пусть «коробочка» с фланга обойдет, там должен быть проход. Прием?

– Принял тебя, секунду. – Капитан оценил обстановку, убедившись, что помощи от танкистов не будет: обе сохранившие мобильность бронемашины, отгрызаясь огнем башенных орудий, торопливо отступали, не рискуя и дальше углубляться в лабиринт разрушенных строений. Судя по получаемым в онлайн-режиме данным, из внешней защиты у обоих осталась только активно-реактивная броня, а боекомплекты оказались ополовинены – ну еще бы, при такой-то интенсивности стрельбы! Твою мать!

– Второй, «коробки» не придут, вытащим вас сами, продержитесь еще пару минут. Со связи не уходить. Как принял?

– Принял, ждем.

– Первый – Нулевому, все слышал? Лови инфопакет. Выдвигайтесь, встречаемся на отметке «семь». Ударим одновременно, затем сразу отступаем на исходную, «коробки» прикроют огнем. Раненых оставить, подберем на обратном пути. Прием?

– Первый принял, начинаем по сигналу.

– Третий – Нулевому, отходите. Вместе с танкистами встретите нас в квадрате «ноль», на помощь не суйтесь, вызовите эвакуаторы для «трехсотых». Первый, все номера – вперед!

До зажатой огнем группы добирались с боем почти пять минут вместо обещанных двух: судя по всему, противник взломал криптозащиту канала связи и отлично знал, где они находятся и что собираются делать. Вот и еще работенка для товарищей контриков: каким образом это удалось, если коды менялись трижды в сутки?

В спину, как ни странно, почти не стреляли: противник, убедившись, что штурмовые группы прекратили продвижение вперед, скрылся в руинах. Похоже, инсургенты поняли, что федералы дальше в ловушку не полезут и отступят, и

получили от неведомых командиров приказ уходить. Сергей злорадно ухмыльнулся: а вот тут хренушки, сейчас вытащит ребят – и будет вам большой сюрприз. Очень большой.

Добравшись до места, ударили с флангов одновременно с группой Третьего... вернее, попытались ударить. Поскольку зажавшая бойцов второй группы плазменная установка оказалась установленной в стационарном бетонированном капонире, окруженном двухконтурной силовой защитой, неведомым образом не попавшем под авиаудар. Да и пехотное прикрытие имелось, не меньше полутора десятков рыл, вооруженных ничуть не хуже самих пехотинцев. Так что близко подойти не удалось.

Укрывшись среди развалин, долбанули по противнику из подствольников штурмовыми гранатами. Довольно успешно долбанули – с первого же залпа порвали к такой-то инсургентской матери экранированные кабеля силового контура, после чего позиция оказалась практически беззащитной. К сожалению, только практически: навстречу рванувшимся в атаку «номерам» Кобрин ударили несколько электромагнитных пулеметов, и пришлось снова залечь – на такой дистанции бронекompлекты не держали разогнанных до нескольких звуковых вольфрамовых стрелок.

Сверившись с переданным «орбитой» обновленным пакетом данных, капитан, не сдерживаясь, выругался. Похоже, им не пробиться, грудью на пулеметы не пойдешь, не XX век на дворе. Вся надежда на Первого, есть шанс, что с его стороны не подготовлена столь горячая встреча. Но людей в любом случае положат немало. Хотя... есть вариант. Идиотский, конечно, вариант, командование его, если живым вернется, за подобное вздует по самые помидоры. Но иначе как пацанов вытаскивать?

– Воздух-1, ответь Кобре.

– На связи, – немедленно откликнулся пилот одного из «полтинников».

– Обстановку видишь?

– Так точно. Только помочь не смогу, вы в зоне поражения. Зажатая группа тоже. Вызывайте «Ланцета», они точечно отработают.

– Некогда, – отрезал Кобрин. – Им десять минут только на предполетную нужно и еще столько же на спуск с орбиты. Не вариант. Слушай, Воздух, приказывать я тебе права не имею, но душевно прошу: сможешь у них по головам пару раз пройти? На сверхзвуке и максимальной гравитяге? А потом, как мы ребят вытащим и отойдем, раздолбишь все в щебень.

– Сдурел, пехота?! – искренне удивился пилот, ожидавший услышать что угодно, но только не это. – До вас же всего сотни полторы метров по горизонтали?! А если промахнемся? Вас же в фарш размажет!

– Так не десять же. И с чего б вам промахиваться, прицельно-навигационную систему никто не отменял. Принимай пакет, пошла передача.

– Ну, ты даешь... – уважительно протянул пилот. – Точно псих. Ладно, отводи своих, насколько сможешь, тридцать секунд. Защиту на максимум врубите и рты откройте. И это, сглатывайте, что ли, почаще, хоть немного давление сравняете. Или орите погромче. Двадцать пять секунд до атаки.

Летуны отработали красиво. Когда силуэты снижающихся штурмовиков ринулись, оставляя за собой белесые полотнища спрессованного воздуха, к земле, Сергей поймал себя на мысли, что, возможно, все это и на самом деле окажется глупой и опасной идеей. Хотя бы потому, что раньше никто ничего подобного просто не делал. Но менять что-либо было уже поздно. Первый раз долбануло по ушам, когда «Ми-50» на высоте метров ста перешли звуковой барьер. Почти сразу же привычно вдавило барабанные перепонки и в груди противно завибрировало. Хотелось вжаться в грунт, став совсем крошечным и очень-очень плоским, но Кобрин не опускал потяжелевшей головы, заставляя себя наблюдать за происходящим. Коль уж он это сумасшествие задумал, нужно хоть до конца досмотреть. А то как-то даже неудобно перед летунами... и своими пацанами, которым сейчас ничуть не лучше.

В последний момент расчет зенитки понял, что происходит, и попытался развернуть установку, но им катастрофически не хватало времени.

Распластанные тени несущихся со скоростью в пять звуковых штурмовиков прошли, растягивая за собой роскошные хвосты взвихренной пыли, на высоте метров в двадцать над вражеской позицией. Сильно заломило в ушах, и почти потерявший слух Сергей судорожно сглотнул, словно погружающийся под воду пловец. Воздушная волна сорвала крыши с близлежащих строений, а гравитационный удар мгновенно смял рванувшиеся вслед «полтинникам» листы

кровельного металлопластика в нелепые комья. Подхваченные рукотворным торнадо взлетели в воздух тела зенитчиков, тут же превратившиеся в алые облачка разможенной ткани. Перевернулась сорванная со станины плазменная установка. И в следующий миг позицию накрыла пыльная волна.

Летательные аппараты развернулись едва ли не на месте – от чудовищной многовекторной перегрузки летчиков спасали лишь противоперегрузочные скафандры и встроенные в пилотские кресла антигравитационные компенсаторы – и ринулись в обратном направлении, прямо сквозь поднявшийся над целью пыльно-дымный смерч. На сей раз «Ми-50» прошли еще ниже, окончательно перемешав с землей и позицию, и развалины, в которых укрывались прикрывавшие зенитку боевики. Точнее, не перемешав, а раскатав, словно по земле прошелся невидимый дорожный каток.

Набрав высоту, старший боевой пары вызвал капитана:

– Кобра, живой?

– Нормально, Воздух, спасибо. Отлично отработали. Мы отходим, следите за отметками. Как выберемся, раз... тут все к такой-то матери! – Сергей торопливо облизал с верхней губы бегущую из носа кровь. Ушам тоже было подозрительно тепло и влажно, но полностью слух он не потерял, значит, перепонки уцелели.

– Добро, пехота, – поколебавшись, пилот добавил в нарушение всех мыслимых и немыслимых правил радиообмена: – Ну, ты и псих, капитан! Побольше бы таких, глядишь, уже и мир бы был. Вместе с тобой интересно воевать. Ладно, глядишь, еще и познакомимся. Уходите поскорее, сейчас мы ударим, а после бомберы подойдут, Орбита сообщила. Отбой связи.

– Отбой... – буркнул Кобрин, постепенно приходя в себя. – Всем номерам, здесь Нулевой. Доложить о потерях. Отходим на исходную, немедленно. Десять секунд.

Штурмовики нанесли удар, когда потрепанная рота, вынося с собой убитых и раненых, выбралась из промышленной зоны, едва не ставшей могилой для доброй половины пехотинцев. Помогавший медикам грузить «трехсотых» в эвакуаторы, Сергей обернулся. Над руинами поднималось сотрясаемое ударами новых и новых взрывов огненно-дымное облако. А из поднебесья,

стремительно увеличиваясь в размерах, заходила на цель четверка многоцелевых фронтовых бомбардировщиков: командование решило больше не рисковать жизнями бойцов, предварительно раскатав в блин непокорный укрепрайон вместе с прилегающими городскими территориями, благо мирное население, по согласованию сторон, было эвакуировано еще до начала высадки...

В этот же день штурмовую роту отвели в тыл, а капитана Кобрину вызвал начальник контрразведки. Сергей подозревал, что, очень может быть, ему придется расстаться с одной, а то и двумя маленькими звездочками на погонах (и перестать мечтать об одной, но большой, до которой ему оставалось всего пару лет выслуги), но все вышло совсем иначе. Выслушав доклад, полковник Дронов предложил садиться (Серега послушно опустил на краешек стула), походил, заложив руки за спину, по кабинету и, остановившись напротив прямого, будто шпагу проглотил капитана, сообщил:

– Ну, что, герой? Значит, придумал новый метод борьбы с наземным противником? Небось, еще и запатентуешь?

– Так точно... то есть простите, никак нет... виноват... – стушевался капитан, не сразу уяснив, что собеседник шутит.

– Но людей-то спас? Кстати, у тебя, шепну по секрету, самые низкие потери в этой долбаной операции. А вот те, кто ее разрабатывал, уже дают показания в моем ведомстве, вот так-то. Уроды, мать их! Стратеги херовы! Тактики, пальцем деланные! Ладно. – Полковник внезапно успокоился, сделав еще круг по кабинету. Не понимающий, к чему клонит особист, Сергей предусмотрительно молчал.

– Ладно, – повторил Дронов, вновь остановившись напротив офицера. – Хрен с тобой. Твои действия признаны хоть и крайне опасными для личного состава, но оправданными и целесообразными в данной конкретной ситуации. Главное, людей спас. Но больше так не делай.

– Никак нет, не буду! – просияв, подскочил было капитан, но тяжелая рука контрразведчика опустилась на плечо, заставив опуститься на место.

– Но наказать тебя придется. А то уж больно много у тебя звезд на погонах. Такому, блин, гению и трех штук за глаза хватит.

– Так точно, – упавшим голосом пробормотал тот, прикинув, что могло быть и хуже. Потерять одну звезду все же лучше, чем две.

– Потому отправляешься в Высшую академию Сухопутных войск, – усмехнулся полковник, прекрасно понимавший состояние Кобрин. – И только попробуй вернуться без трех звезд на плечах! Документы уже подписаны и завизированы, сопроводительный файл отправлен на Землю. У тебя сутки, чтобы сдать дела и попрощаться с подчиненными. Свободен.

– Товарищ полковник! – ахнул Сергей, вскакивая на ноги. – Спасибо! Но... почему я?

Начальник особого отдела смерил его неожиданно насмешливым взглядом:

– Почему? Ну, скажем так, за неординарность мышления и все такое прочее. До того, чтобы использовать штурмовой гравилет класса «КА» в качестве наземного оружия, никто пока не додумался. Кстати, из штаба авиагруппы звонили, очень уж им интересно с тобой лично познакомиться. Я отказал, времени нет. И, к слову, не благодари раньше времени, еще неизвестно, что лучше – здесь с четырьмя маленькими звездами или там с тремя большими. Ответственность, видишь ли, совсем другая. И не только ответственность.

– Но... – неуверенно протянул капитан.

Особист смерил его еще одним взглядом, на этот раз мрачным:

– Потом поймешь. Если жив останешься. Все, свободен, больше не задерживаю. В приемной получи предписание и информационный кристалл с личным делом.

– Есть, – поняв, что разговор окончен и больше он ничего не добьется, Кобрин четко развернулся через левое плечо.

И, уже закрывая за собой дверь, услышал:

– Удачи, капитан. Надеюсь, я в тебе не ошибся...

Глава 1

Земля, далекое будущее, год спустя

Курсант Высшей академии Сухопутных войск Сергей Кобрин задумчиво глядел вдаль сквозь запотевший пивной бокал. Пиво было светлым, и оттого перспектива окрашивалась в светло-пастельные тона. По стенке кружки лениво сползали капли конденсата – температура подаваемого в офицерском баре пенного напитка всегда поддерживалась на должном уровне, – плюхаясь на столешницу, словно «ОДБ-10К» с борта орбитального бомбардировщика на поверхность мятежной планеты, тяжело, гулко и не особенно прицельно. Поскольку особой точности наведения при применении десятитонного боеприпаса и не требовалось, слишком велик радиус сплошного поражения.

Сегодня был последний, или, как он привык говорить за семь лет армейской службы, «крайний» день перед прохождением первого в его жизни «Тренажера». Именно поэтому курсант ВАСВ Кобрин, чьи погоны пока еще украшали три двухконтурные золотые звезды «неполного полковника», сидел сейчас в этом баре, размышляя о том времени, когда он торжественно отломит и сдаст в архив внешний контур, став настоящим «полным» полковником. Но до этого еще было четыре года обучения – и четыре же этих самых «Тренажера». Не считая сегодняшнего.

Если, конечно, пройдет все обучающие тренировки и вернется живым. Вернее, не позволит своему оставшемуся в родном времени телу умереть.

По сложившейся в академии традиции к допущенному до «Тренажера» курсанту запрещено было подходить, разве что в случае если тот сам пригласит кого-нибудь за свой столик. Сергей прямо-таки физически ощущал возникший вокруг вакуум; незримое поле, окружающее его, словно силовая защита – в баре было достаточнолюдно, – но старался этого не замечать. Да и желания с кем-либо общаться, если честно, не было. От слова «совсем». Так что проводивший с ним беседу штатный психолог в майорском звании оказался прав. Впрочем, ни для

кого не было секретом, что на самом деле погоны этого немолодого офицера с пронцательными глазами профессионала высочайшего класса имеют куда больше звезд. Вот только звезд отнюдь не армейских: всем, что касалось тренировок в прошлом, ведала контрразведка.

Невесело усмехнувшись, Сергей поставил полупустой бокал на картонку, припоминая разговор с психологом-контрразведчиком, произошедший перед тем, как тот дал добро на прохождение теста:

– Вы – кадровый офицер, командир штурмовой роты, участник боевых действий на Вирджинии и Терре-3, поэтому не считаю нужным напоминать о том, что ТАМ вам тоже придется посылать подчиненных на верную смерть. Не компьютерных юнитов, а живых людей. Наших с вами предков, между прочим. Равно как и рисковать жизнью наравне с ними. Хочу лишь спросить: осознаете ли вы, что это не виртуальная реальность с эффектом полного погружения? Все, с чем вы столкнетесь, – настоящее прошлое нашего мира, от которого вам – как и тем, кто был до вас – предстоит «отпочковать» новую линию времени. И ответственность за то, как это произойдет и какими окажутся результаты, лежит только на вас – и ни на ком другом. Возможно, когда-нибудь нашим ученым удастся наладить, гм, контакт с этими параллельными мирами, и мне очень не хотелось бы узнать, что там о вас сохранились исключительно отрицательные воспоминания. Вы все это понимаете?

– Так точно, – коротко ответил Кобрин, не пряча взгляда, – «майор» этого не любил.

– Прекрасно. Теория параллельных миров вам, разумеется, известна. Как и то, что к боевой тренировке допускаются только самые перспективные курсанты. Звучит несколько напыщенно, согласен, но это именно так. Это большая честь – и огромная ответственность. Потому должен задать вам последний вопрос: готовы ли вы? Не как военный профессионал и боевой офицер, а именно как человек?

– Готов, – без колебаний ответил Сергей.

– Что ж, надеюсь, это и на самом деле так, – не слишком понятно ответил тот, касаясь пальцем висящего перед ним монитора. – Только что вы получили допуск на прохождение «Тренажера». Пока в звании командира батальона.

Удачи, курсант. Свободны.

– Спасибо. – Сергей четко развернулся и строевым шагом покинул кабинет.

Он уже не видел, как психолог, лишь только за спиной курсанта закрылась, подернувшись рябью защитного поля, дверь, вызвал по защищенному каналу связи начальника академии генерал-лейтенанта Роднина:

– Товарищ генерал? Да, я дал добро. Похоже, парень – один из лучших за последние годы. Не удивлюсь, если окажется, что это именно тот, кого мы искали. Что? А, ты об этом... не переживай, Иван Федорович, в нашей теории параллельных миров он не сомневается и искренне верит, что любое проникновение в прошлое создает новый мир. Да, это абсолютно точно, никакой ошибки, данные пси-контроля подтверждают. Я еще и насчет того, что когда-нибудь мы с этими мирами научимся связываться, ввернул. Так что посмотрим, может, хоть ему удастся то, ради чего мы все это затеяли... не сразу, конечно, но тем не менее.

* * *

Возвращаясь из бара в офицерское общежитие, Сергей от нечего делать размышлял над тем, что человечество, похоже, все-таки неисправимо. И потому обречено из века в век наступать на одни и те же самые грабли. Вот взять хотя бы сухопутные войска, в рядах которых он оттянул после офицерского училища семь лет службы: необходимость в них возникла уже на второй сотне лет космической экспансии. До того сил космического десанта, на тот момент практически единственного «наземного» воинского подразделения в составе Военно-космических сил, вполне хватало для разрешения возникающих на поверхности колонизируемых миров проблем, будь то встреча с агрессивной фауной или какие-либо внутренние разборки.

Но время шло, колонии превращались в полноценные миры с налаженной инфраструктурой, закрепленными соответствующими договорами межсистемными политическими и экономическими связями и какой-никакой собственной историей. Про принятый Совбезом ООН после открытия феномена гиперпространственного перемещения закон о едином правлении новосозданной Земной Федерации стали потихоньку забывать.

Нет, внешне все оставалось по-прежнему, и находящийся на прародине человечества Единый Центр Управления, прямой наследник канувшей в Лету Организации Объединенных Наций, де-юре оставался единственным легитимным органом власти. Однако за сто с лишним лет на планетах-колониях возникла и утвердилась собственная политическая элита, подкрепленная внушительным капиталом, в основном опирающимся на добычу полезных ископаемых и высокотехнологическое производство, уже давно с раздражением поглядывающая на далекую Землю.

На давний и полузабытый закон о единых вооруженных силах откровенно наплевали, и вскоре вполне закономерно появились первые «планетарные», то есть частные армии, подчиняющиеся исключительно местным властям. После нескольких вооруженных конфликтов, вышедших за орбиты миров-колоний, стало понятно, что силами одного только немногочисленного космодесанта и ВКС с проблемой не справиться: не станешь же превращать орбитальными ударами мятежные планеты в радиоактивную пустыню? А десант мало подходил для масштабных действий на поверхности: спецназ – инструмент для быстрого и точечного воздействия; хирургический скальпель, а не всеокрушающая кувалда сухопутных войск. Их этому просто не учили. Захват и удержание плацдармов под высадку основных сил, спецоперации в тылу противника, разведывательно-диверсионная деятельность, борьба с террористами – да. Но не ведение полноценных боевых действий с наземными армейскими подразделениями, порой вооруженными и защищенными ничуть не хуже, а то и лучше десантников.

В конце концов правительство вынуждено было признать, что вопрос встал ребром: или окончательное превращение Федерации в подобие лоскутного одеяла из независимых планет, в точности как было на Земле до выхода в дальний космос. Или – быстрое и жесткое наведение порядка руками вновь созданных федеральных сухопутных войск и военно-космической авиации (размещенной на кораблях ВКС и потому находящейся в двойном подчинении).

Решение о создании нового-старого вида вооруженных сил было принято Единым Центром практически единогласно, буквально в течение нескольких часов. Зато боевые действия в колонизированных системах с той или иной интенсивностью шли уже почти три десятка лет...

Сухопутные войска со средствами непосредственной огневой поддержки и усиления всегда шли вторым эшелоном, вслед за космодесантом. Который после

прорыва силами ВКС орбитальной обороны противника и подавления точечными ударами наземной ПВО-ПКО занимался своим основным делом – захватом и удержанием плацдарма под высадку основных сил. После высадки планетарных сил десант, как правило, уходил – у «сухопутов» имелись свои разведывательно-диверсионные подразделения и отряды специального назначения, дальние родственники земного армейского спецназа. Ну, а войска «колониальной пехоты», как их порой называли в СМИ, приступали к выполнению своей основной миссии: восстановлению на поверхности мятежных планет конституционного порядка, подавлению очагов сопротивления – порой весьма серьезных очагов, владеющих даже тактическим ЯО со средствами доставки, – и выявлению инсургентов (этим, понятное дело, занималась армейская контрразведка вместе с госбезопасностью).

Проблема крылась в другом – уже в первые годы выяснилось, что мирное столетие не прошло даром: опытных командиров, способных планировать грамотные сухопутные операции, попросту не было. Военные академии и офицерские училища выпускали прекрасно подготовленных теоретиков, но воевать в виртуальной реальности или на 4D-тренажерах с эффектом полного погружения – и столкнуться на поле боя с отлично подготовленным противником, порой успевшим принять участие в локальных войнах на поверхности собственных планет, оказалось вовсе не одним и тем же. Нужны были обстрелянные и понюхавшие пороха практики – те, кто учился бы на реальном примере, в реальных сражениях. Со временем такие офицеры появились, но их оказалось мало – особенно с учетом невосполнимых потерь, неминуемых на любой войне.

И тогда служба безопасности Земной Федерации неожиданно выбросила из рукава никем не ожидаемый козырь. Да еще какой! Как выяснилось, еще два века назад, во время изучения феномена гиперпрыжка, была открыта возможность путешествий во времени. Разумеется, все сразу засекретили почти на полтора столетия, поскольку просто не знали, что с этим открытием делать и насколько опасно вторгаться в прошлое. Какие-то осторожные эксперименты с недалеким прошлым проводились, но все проходило под грифом гостайны, и о результатах исследований практически никто ничего не знал, даже высшие чины Минобороны.

Теперь же контрразведка предлагала использовать «машину времени» для обучения в боевых условиях наиболее перспективных офицеров Генштаба, посылая их сознание в далекое прошлое, на самую страшную и кровопролитную

войну XX века – Вторую мировую. Психоматрица испытуемого подсаживалась в сознание военачальника того времени, после чего он должен был провести там определенное время, участвуя в реальных боях. Основным смыслом этих тренировок был в том, чтобы будущие стратеги и тактики смогли переиграть заведомо проигрышное сражение, как минимум сведя результат к ничьей, а как максимум – одержав победу. Чтобы усложнить задачу испытуемых, им не сообщали ни время, ни место переноса, ни личность «реципиента». Можно было попасть в тело военачальника РККА за пять лет до начала войны или за час до немецкой артподготовки ранним утром 22 июня... или вовсе прийти в себя в полусасыпанном штабном блиндаже, сотрясаемом близкими разрывами. И выяснять, какой сейчас год – 41-й или 43-й, – в этом случае предстояло под градом осколков, ежесекундно рискуя погибнуть, причем в обоих временах, и в прошлом, и в будущем. Впрочем, подавляющее большинство курсантов отправлялись именно в 41-й год, наиболее подходящий для тренировок в кризисных условиях непрекращающегося цейтнота.

Согласно подтвержденным научными выкладкам и заверениям руководителей проекта «Тренажер», опасности для настоящего это не представляло: каждое проникновение в прошлое, неизбежно влекущее за собой изменения будущего, не изменяло текущей реальности, а «отпочковывало» от основной линии времени новую ветвь, представляющую собой полноценный мир, начинающий свою историю от момента внесения изменений. Как развиваются дальнейшие события в каждом из «новых» миров, никто не знал – возможности отслеживать подобное не существовало даже теоретически: связи между параллельными мирами не было.

По крайней мере, так гласила официальная версия, подтвержденная множеством научных фактов и теоретических выкладок. Как все обстояло НА САМОМ ДЕЛЕ, знал лишь десяток человек в ГШ и научном отделе службы безопасности.

Однако была еще одна особенность, с которой кандидатов на прохождение «Тренажера» знакомили непосредственно перед тем, как получить согласие на участие. При гибели носителя психоматрицы в прошлом тело оставшегося в будущем «донора» также имело все шансы погибнуть: по неведомой ученым причине сознание не всегда возвращалось обратно. Но подобных случаев за десять лет существования проекта оказалось немного, около 10 % от общего количества проходивших «Тренажер» курсантов – с точки зрения прагматичной армейской статистики, вполне допустимый результат. Те самые «вероятные

потери», определенный процент которых закладывается при разработке планов любых войсковых учений в мирное время.

Остальные благополучно возвращались в свои пребывающие в коматозном состоянии тела, находящиеся на системах искусственного поддержания жизнедеятельности. Поскольку после возвращения курсанты давали пожизненную подписку о неразглашении того, что именно они делали в прошлом и какие воспоминания привезли в свое время, подробностей не знал никто. Но воевали прошедшие полный цикл «Тренажеров» (по одному на каждый курс обучения) однозначно лучше большинства сокурсников, по тем или иным причинам не получивших допуска или заваливших часть тренировок. Почти все из них – кто выжил, разумеется, – после нескольких лет боев возвращались в академию уже в качестве преподавателей и инструкторов, постепенно вытесняя не нюхавших пороха «теоретиков», переводимых на второстепенные должности или торжественно отправляемых в отставку.

Остальные слушатели ВАСВ, не проходившие «Тренажеров», выпускались в звании, лишь на ступень превышающем то, которое имели при поступлении, и отправлялись в боевые части – им предстояло научиться воевать самим. Сразу на фронт их почти никогда не посылали, разве что тех, кто показал наилучшие результаты, сперва назначая на штабные должности в войска второго эшелона. Многие из них становились отличными военачальниками, занимая должности вплоть до уровня командующего армией, но, прежде чем это происходило, проходили годы. Но время – несмотря на то что люди и получили возможность путешествовать в прошлое – ощутимо поджимало. Затянувшуюся на долгие годы войну, каждый день, неделя или месяц которой слишком дорого обходились человечеству, следовало завершить как можно скорее. И потому нужны были гении. Те, кто сумел бы окончательно и бесповоротно переломить ситуацию, приведя наконец Земную Федерацию к долгожданному миру.

И потому завтра будущему полковнику Генерального штаба Сергею Кобрину, одному из немногих избранных из всего потока первокурсников, предстояло пройти первый в его жизни «Тренажер». Пока на должности комбата, а дальше? Как надеялись те, кто десять лет назад после долгих споров и колебаний все-таки решился воплотить в жизнь столь опасный и непредсказуемый проект, каковым являлся «Тренажер», ему удастся пройти все пять обучающих циклов, завершив курс на должности командарма ТАМ и получив погоны полного полковника Генерального штаба – ЗДЕСЬ...

* * *

– Как себя чувствуете? Готовы? – осведомился лаборант у лежащего на эргономичном матрасе медицинской капсулы Кобрина. Опутанный проводами датчиков мониторинга жизнедеятельности, будто техногенной паутиной, Сергей иронично хмыкнул:

– Лучше не бывает. Да готов, готов практически, как пионер. Начинайте уж, к чему тянуть.

Судя по выражению лица, насчет пионера научник не понял, поскольку не проходил углубленного гипнообучения реалиям времени, в которое предстояло отправиться Сергею... ну, в смысле его психоматрице. Его же готовили всерьез: глупо было сразу же погореть на незнании элементарных вещей, например стоимости буханки хлеба в 41-м году или особенностей произношения тех или иных слов. К примеру, перед войной было принято говорить «кофэ» вместо привычного «кофе» или ставить ударение в слове «шофер» на первый слог. Ну и так далее. Собственно, каждый курсант, получивший допуск на прохождение «Тренажера», весь крайний месяц занимался исключительно углубленным изучением исторических реалий вплоть до мелочей. Историю же Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной в частности все слушатели академии знали, что называется, назубок. Вне зависимости от того, заслужишь ли ты допуск или нет.

– Хорошо. – Облаченный в медицинский костюм лаборант ободряюще улыбнулся сквозь прикрывавшую лицо прозрачную маску, сверился с какими-то данными на портативном планшете и отступил, обратившись к кому-то невидимому, стоящему в изголовье: – У нас все готово, начинать?

– Сейчас, – глуховатый голос начальника ВАСВ генерал-лейтенанта Роднина, Сергей узнал сразу, хоть слышал его всего дважды, на построении в день зачисления и во время торжественного вечера в честь очередного юбилея академии. – Оставьте нас на несколько минут.

– Но процедура уже запущена, нам придется...

– Со слухом плохо? Могу повторить, – в свойственной ему грубоватой манере ответил Роднин, оттирая научника могучим плечом. Стушевавшись, лаборант

пискнул «простите» и, прижав к груди планшет, торопливо убрался из поля зрения – ворочать обритой налысо головой, оплетенной сетчатым «чепчиком» мнемодатчиков и зафиксированной эластичным налобным обручем, Кобрин не мог. Спустя мгновение над обездвиженным капитаном навис грозный генерал-лейтенант:

– Боишься, курсант?

«Игра в отца-командира? – с удивлением подумал Сергей, взглянув в глаза генералу. – Нашел время».

– Никак нет, скорее просто немного волнуюсь. Нормальный мандраж, как перед боевым выходом.

– Врешь, конечно. А если правду сказал, значит, совсем дурак. Только дурак не боится, умный – опасается. Ладно, не суть важно.

Иван Федорович оперся руками о борт медблока, напоминающего неглубокую пластиковую «ванну» с поднятой прозрачной крышкой. Грубое, словно высеченное из гранита, и оттого чем-то напоминающее древние памятники советским воинам-освободителям времен Великой Отечественной войны лицо склонилось над капитаном:

– Слушай меня внимательно, капитан. Слушай и запоминай. Самое главное – не вздумай считать это просто еще одной виртуальной тренировкой. Действуй так, словно нет и никогда не было никаких параллельных миров и «вторичных» ветвей истории. Не сомневайся, что отправляешься в реальное прошлое, единственное из возможных. Воюй по-настоящему, дерзко, смело, но продуманно. Говорят, ты – лучший из первокурсников своего потока. Вот и докажи это. Ты прекрасно знаешь историю за крайние две сотни лет – вот и помоги изменить ее к лучшему.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант... – пробормотал Кобрин, ощущая, как все его тело становится ватным и начинает кружиться голова. Говорить стало тяжело, губы не слушались: – Разрешите... вопрос...

– Все, тебе пора, – скосив взгляд в сторону, внезапно закончил Роднин. – Удачи. И – возвращайся!

Сергей попытался закончить фразу, но мысли путались и сознание уже угасало, погружаясь в темноту. Накатила – и тут же исчезла тошнота. Голова пошла кругом, внезапно став невесомой, словно пух росшего в его родном дворе старого тополя. Легкий порыв существующего лишь в воображении ветра подхватил то, что еще мгновение назад было Сергеем Кобриным, и понес куда-то в неведомую даль.

Крайней мыслью, которую он еще успел сформулировать, было: «Интересно, это всем проходящим тренировку генерал-лейтенант напутствие читает? Типа чтобы не расслаблялись и воевали, как в последний раз? Или только один он такой весь из себя уникальный?»

Затем все исчезло.

И тут же вернулось вновь.

Но уже совсем в ином месте и времени.

Глава 2

Пригород Граево, ночь на 22 июня 1941 года

Едва придя в себя, Кобрин ощутил заполонивший все его существо иррациональный страх: какой-то показавшийся бесконечно долгим миг он был одновременно и самим собой, и еще одним человеком, тем самым неведомым реципиентом. Не желающий впускать в себя чужое сознание разум подсознательно, на уровне инстинкта самосохранения, противился – и от этого становилось еще страшнее. В какое-то мгновение ему показалось, что тот, другой, возьмет верх, победит, подомнет – и он растворится в его воспоминаниях, в его «я» и исчезнет навсегда...

Едва ли не против воли припомнив, чему учили на одном из психологических тренингов перед началом теста, Сергей взял себя в руки, успокаиваясь, и наваждение исчезло, словно и не было. Теперь он точно знал, что он – это

именно он, тридцатидвухлетний капитан штурмовой роты 42-го МПП Сергей Владимирович Кобрин, курсант ВАСВ, будущий полковник Генерального штаба. Что ж, похоже, умники из научного отдела не обманули: ассоциация прошла штатно. Как и было обещано, сознание «донора», то бишь его собственное, временно подавило разум реципиента, завладев в качестве трофея всеми его профессиональными навыками и умениями. Когда придет пора возвращаться в свое время, тело вернется под контроль настоящего хозяина, и тому придется порядком удивиться. Впрочем, некоторые изучавшие вопрос специалисты утверждали, что реципиент сохранит основную часть воспоминаний, но не будет понимать, откуда они взялись. Сведения же о том, что будет помнить донор, как уже говорилось, представляли государственную тайну...

В следующий миг активизировался информационный пакет, загруженный в его разум во время одного из сеансов гипнообучения, и секунду спустя Сергей знал, кто он теперь и где находится. Точнее, «когда», поскольку вопрос о конкретном местоположении в данной ситуации был вторичен.

Итак, сейчас он капитан РККА Иван Степанович Минаев, командир батальона 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии, дислоцированного на госгранице в районе бывшего польского городка Граево.

«Смотри-ка, – мысленно усмехнулся Сергей, все еще не раскрывая глаз, – снова капитан, как и там, у себя».

А день сегодня... воскресенье, 22 июня 1941 года, немного за полночь. В голове словно беззвучно рванула штурмовая граната: 22 июня! 41-го года! Война начнется через несколько часов! Ну, удружили товарищи руководители! Хоть бы пару лишних дней дали, чтобы немного освоиться, вжиться в новую для него реальность! Что можно успеть изменить за четыре неполных часа, если ты всего лишь комбат? Или все-таки можно? Или... никто и не планирует, что он сумеет что-то изменить?

Кобрин распахнул глаза и решительно сел на жалобно скрипнувшей пружинами кровати. Снова накатило головокружение, его ощутимо повело в сторону и, чтобы не упасть, пришлось вцепиться пальцами в край застилавшего койку тощего матраса. Мгновение спустя недомогание прошло, и капитан огляделся. В небольшой, метров девять площадью комнате царил полумрак; легкий ветерок едва заметно колыхал легкие занавески. На выкрашенном темно-коричневой краской полу с домотканым прикроватным половиком лежал светлый контур

распахнутого окна: где-то снаружи горел фонарь, видимо, помещение располагалось на первом этаже. На оклеенной неброскими или выцветшими обоями стене размеренно тикали ходики.

Поднявшись на ноги, капитан сделал на нетвердых ногах несколько шагов к двери, нащупав возле косяка круглую коробочку выключателя. Память – то ли реципиента, то ли заложенная в будущем – услужливо подсказала, что для включения освещения нужно повернуть по часовой стрелке непривычного вида рычажок. Щелчок – и под потолком загорелась тусклая лампа накаливания под плоским абажуром. Несколько секунд Сергей, щуря привыкшие к темноте глаза, с интересом разглядывал архаичный осветительный прибор: в его времени ничего подобного не существовало уже больше двух с лишним веков. Хмыкнув – если обращать внимание на каждый артефакт далекого прошлого, никакого времени не хватит, – Кобрин-Минаев подошел к настенному зеркалу. Вгляделся в свое-чужое лицо, знакомясь с новой внешностью.

Капитан Минаев оказался ниже его ростом, но несколько шире в плечах. Лицо? Да самое обычное, вполне так себе славянского типа. Коротко стриженные русые волосы, небольшой шрам над левой бровью, еще один на скуле. Сергей улыбнулся, затем нахмурился, привыкая к мимике реципиента. Проверив моторику, подвигал руками, несколько раз присел и прошелся по небольшой комнатке, остановившись возле письменного стола. На гнутой спинке венского – вроде так он называется? – стула висела гимнастерка, сложенные с армейской аккуратностью галифе лежали на сиденье. Полевая сумка и портупея с кобурой обнаружили на спинке кровати, увенчанной – видимо, в соответствии с местной модой – никелированными шарами-набалдашниками.

Расстегнув тугий ремешок, Кобрин откинул клапан кобуры и вытащил пистолет. Выщелкнув из рукояти магазин, зачем-то отвел и спустил с задержки негромко клацнувшую затворную раму. Оружие было отлично знакомо – восьмизарядный автоматический пистолет системы Токарева, калибр 62 мм: не полагаясь только на информационные «закладки» и память реципиентов, допущенных к прохождению «Тренажера», курсантов знакомили с огнестрельным оружием заданного времени. И даже проводили обязательную огневую подготовку – Сергей так и не узнал, откуда брали боеприпасы, то ли со складов стратегического резерва (что вряд ли, за 200 лет патроны просто не могли не «скиснуть»), то ли специально производили малыми партиями именно для нужд академии.

Убрав пистолет обратно в кобуру, Сергей выключил свет, напился воды из стоящего на столе стеклянного графина – отчего-то жутко мучила жажда – и подошел к окну. Отведя в сторону занавеску, выглянул наружу. Довольно просторный внутренний двор, более всего напоминавший армейский плац (да наверняка им и являвшийся), был пуст, лишь возле входа в соседнее здание топтался на одном месте, видимо, чтобы не заснуть, часовой. Над его головой горел фонарь, тот самый, что и освещал комнату. Память снова подсказала, что это и есть расположение первого батальона 239-го СП, одного из трех в дивизии. Вообще-то батальоны отдельно от полков не располагались, конечно, но тут случай особый, уж больно удобным для размещения оказался бывший польский военный городок. Который, увы, никак не мог вместить весь полк вместе с инфраструктурой. Охраняемое караульным здание – штаб, финчасть и особый отдел, в полусотне метров отсюда – казармы, еще дальше – хозяйство автороты и все такое прочее. Ну а сам он находится в доме комсостава, разумеется. В той его части, где размещаются не успевшие обзавестись семьями командиры.

Прохладный по ночному времени воздух был удивительно чистым, не испоганенным привычным городскому жителю смогом и одуряюще пах отцветающей травой и еще чем-то, вовсе уж незнакомым. Кобрин с удовольствием вдохнул полной грудью: раз, другой, третий – до тех пор, пока легонько не закружилась голова. В его времени такой воздух встречался разве что на недавно колонизованных планетах, еще не развернувших в полной мере программу индустриализации. Заметивший движение в окне часовой на всякий случай немедленно вытянулся по стойке «смирно», лихо брякнув о землю прикладом брошенной в положение «к ноге» винтовки с примкнутым штыком. Мол, глядите, тарщ командир, не сплю и бдительности не теряю! Улыбнувшись – солдат, вне зависимости от того, какой сейчас на календаре век, всегда и везде остается солдатом, – Сергей кивнул, задернул занавеску и уселся обратно на скрипящую кровать. Ну что ж, вот он и на месте. Причем как в пространстве, так и во времени. Как его зовут, где и когда он находится, теперь известно – пора разобраться с остальным.

Откинувшись на подушку, капитан поерзал, устраиваясь поудобнее, прикрыл глаза и начал «вспоминать» собственную биографию. Итак, родился он в 1916 году в семье, как принято говорить в этом времени, пролетариев, первый ребенок в семье. Мать – прачка, отец – рабочий железнодорожного депо, активный участник большевистского подполья, партийный стаж с 1904 года. Погиб в бою с белоказаками где-то на Дону в 18-м. Тогда же умерла от тифа младшая сестренка.

В 30-м Иван Минаев закончил семилетку и, твердо решив связать свою судьбу с армией – отчасти в память о сгинувшем в горниле Гражданской отце, – поступил в пехотное училище, которое закончил через три года в звании младшего лейтенанта. После училища нес службу в Белорусском особом военном округе, летом 40-го года переименованном в ЗапОВО. Успел Минаев и повоевать – после начала Второй мировой в качестве командира взвода участвовал в Польском походе; спустя год, будучи уже ротным, сражался на Финской войне, где заработал легкое обморожение, контузию и осколочное ранение от близкого разрыва вражеского снаряда – те самые два шрама на лице. После госпиталя, где он провалялся до конца весны, Иван Степанович вернулся в родную часть уже старлеем и с новеньким орденом Красной Звезды на гимнастерке. Ну а три месяца назад, в марте 41-го, Минаев получил капитанское звание и принял под командование полнокровный батальон. Не женат, детей не имеет, из семьи – только мать, проживающая в небольшом поселке Новочеркасского района.

Вот и вся немудреная жизнь того, чье тело он сейчас занимает, уложившаяся в несколько секунд воспоминаний. Прямая, словно штык от трехлинейной винтовки – полуголодное и холодное детство, проведенная в училищных стенах и продуваемых всеми ветрами палатках летних лагерей юность – и зрелость, которой суждено совпасть во времени с самой кровавой в человеческой истории войной. О которой капитан Иван Минаев – в отличие от капитана Сергея Кобрина – пока не знал. Хоть наверняка догадывался: память реципиента хранила воспоминания о политзанятиях, где комиссар, рассказывая о нерушимой дружбе и союзническом долге между СССР и Германией, одновременно напоминал о необходимости удвоить бдительность и быть готовым в любой момент отразить вероломный удар коварного врага. Да и в ведущихся на досуге между красными командирами разговорах никто особо не сомневался в скором начале войны. И противник назывался вполне определенно – те самые «друзья-союзники», чьи разведывательные самолеты в последние недели что-то уж больно часто «случайно» перелетали госграницу и подолгу барражировали над советской территорией, производя аэрофотосъемку и наблюдая за передислокацией войск.

Вот только в конкретной дате ее начала мнения расходились: большинство считали, что в этом году немцы не нападут, хоть до них и доводили данные разведки о сосредоточении сил противника на западной стороне Буга. Меньшинство, куда входили главным образом успевшие принять участие в боевых действиях ветераны, были уверены, что нападение неминуемо и начнется не позже июля, максимум – начале августа. Поскольку воевать в условиях осенней распутицы и тем более зимних морозов немцы не станут.

Комбат Минаев, разумеется, входил в число последних...

Хорошо, с этим все понятно. Теперь нужно «вспомнить», что он знает о боевом пути 27-й стрелковой, и уже отсюда планировать что-то конкретное. Итак, что ему известно? Не из памяти капитана Минаева, разумеется, – из будущего. К началу войны – то есть к сегодняшнему утру – подразделения дивизии прикрывали участок госграницы в районе бывших польских городов Граево, Августовка и Сухово, где и приняли первый бой с двумя пехотными дивизиями вермахта, 162-й и 256-й. Из-за чудовищной неразберихи первых суток войны и катастрофических проблем со связью полки дивизии остались без централизованного управления и налаженного взаимодействия между частями, как пехотными, так и вспомогательными. В результате большая часть подразделений 27-й СД, чтобы не оказаться в окружении в первый же день, отступила, попытавшись задержать немцев около реки Бобр. Увы, безрезультатно – гитлеровцы прорвали слабо организованную оборону еще до наступления темноты. 24 июня, потеряв за двое суток практически непрерывающихся боев с превосходящими силами противника почти половину личного состава и техники, дивизия предприняла попытку контратаки, а на следующий день получила, наконец, четкий приказ: до последней возможности всеми силами и средствами прикрывать отступление частей 3-й армии, 4-го стрелкового корпуса.

Приказ бойцы 27-й стрелковой выполнили. Ценой своих жизней и самого существования дивизии, практически полностью уничтоженной на этом, ставшем для них последним рубежом обороны. Немногие уцелевшие укрылись в лесах, не имея ни связи между отдельными группами окруженцев, ни достаточных запасов медикаментов, провианта и боеприпасов, и выходили к линии фронта вплоть до августа, почти полтора месяца ведя в тылу гитлеровских войск диверсионную партизанскую войну.

В начале осени 41-го дивизию расформировали, как прекратившую существование боевую единицу.

Не раскрывая глаз, Кобрин глухо выругался: уж больно типичной для лета 41-го оказалась история «его» нынешней дивизии! А сколько еще таких батальонов, полков и дивизий перемолола кровавая мясорубка приграничного сражения! Или, правильнее сказать, не сражения, а разгрома. И вот ведь что обидно – практически везде было одно и то же: внезапность нападения, неразбериха первых часов и дней войны, отсутствие нормальной связи между частями и

штабами, запаздывающие сведения с фронта, общая растерянность командования, доводящего до подразделений приказы, порой полностью противоречащие друг другу!

Нет, в его времени подобное тоже встречалось – взять хотя бы ту самую недоброй памяти высадку на Вирджинии, стоившую федеральным войскам почти полторы тысячи погибших в течение нескольких суток и в два раза больше раненых, – но не в таких же масштабах!

Внезапно Сергей ощутил, как по телу прокатилась, заставив шевельнуться короткий ежик волос, волна страха... и понимания: елки-палки, а ведь все то, о чем он только что размышлял, – не просто архивная информация, загруженная в его разум в родном времени! Все это – самая настоящая реальность. Реальность, в которую он буквально через три с небольшим часа окунется с головой! Все то, что он привык считать событиями нереально далекого прошлого, еще НЕ ПРОИЗОШЛО!

И он станет свидетелем того, как все случится.

Или тем, кто попытается хоть что-то изменить...

* * *

Торопливо одевшись и перепоясавшись портупеей, Кобрин обулся: начищенные до зеркального блеска сапоги обнаружились под вешалкой. Поскрипывая разошедшимися половицами, подошел к зеркалу и надел непривычного фасона фуражку с малиновым пехотным околышем. Вроде нормально, по крайней мере внешне никак не определишь, что капитан РККА Минаев – не совсем тот, за кого себя выдает. И гимнастерка, и головной убор сидели идеально: чувствовалось, что их носитель – профессиональный, кадровый военный.

Так, ну и что дальше? Будить комполка, поднимать тревогу? Попытаться связаться с комдивом, дозвонившись до штаба дивизии в Суховоле? И что он ему скажет? Мол, приснилось, будто немцы сегодняшним утром нападут? И он, комбат Минаев, настоятельно рекомендует немедленно начать вывод войск из ППД? Бред, в лучшем случае обматерят, посоветовав проспаться, в худшем – обвинят в паникерстве и арестуют до понедельника, поскольку в выходной никто с ним

разбираться скорее всего не станет. Контрразведчики – тоже люди, которым хочется провести воскресенье с семьей, а не выясняя, что за блажь пришла в голову одному из комбатов.

Да уж, удружили ему товарищи руководители «Тренажера»... с другой стороны, с чего он взял, что тем, кто проходил тренировки до него, было проще? Наверняка нет. Так что сам, все сам... Начштаба и замполита в расположении нет – еще вчера уехали в Брест, первый к семье, второй по каким-то личным делам. Последнее даже неплохо, меньше людей будет мешаться под ногами. Да и врать тоже меньше придется, проще взять всю ответственность на себя. Правда, особист на месте, но с этим придется разбираться по ходу действия. Все, довольно время терять, тут не то что час – каждая минута дорога!

Решившись, Сергей отворил дверь и двинулся к выходу из здания. Миновав погруженный в темноту недлинный коридор, вышел на улицу, едва ли не против воли снова вдохнув полной грудью замечательный местный воздух. Эх, хорошо... жаль только, что вскоре здесь будет пахнуть совсем иначе: сгоревшей взрывчаткой, гарью и свежей кровью. Как, собственно, и на любой другой войне что в прошлом, что в будущем. Торопливо пересек по диагонали плац – часовой у штаба вытянулся по стойке смирно, судя по закаменевшему лицу, решив, что начальство прибыло по его душу. А ведь не спал, вот ей-ей, ни секундочки даже! Зевал, конечно, но зевать по ночному времени уставом караульной службы ни разу не запрещено.

– Здравия желаю, тарщ капитан, красноармеец Иванов...

– Отставить, – буркнул Кобрин. – Помощник дежурного по батальону на месте?

– Так точно, позвать?

– Сам справлюсь. Как вокруг, тихо? Происшествий не было?

– Так точно, тихо. Не было.

– Повнимательнее, сам знаешь, какое сейчас время. Возможны провокации, учти это. Вдруг кто незнакомый появится, даже если в нашей форме, сразу поднимай тревогу и действуй согласно уставу караульной службы. Невзирая на звание и все такое прочее. Нужно будет стрелять на поражение – сразу стреляй, не

думай. Это приказ. Понятно?

– Так точно, понятно.

Оставив удивленного неожиданным появлением начальства и его не слишком понятным предупреждением бойца на посту, Кобрин скрылся в здании штаба. В гулком коридоре его встретил взъерошенный и определенно заспанный сержант-связист. Самого дежурного нигде видно не было. Сделав вид, что ничего не замечает, капитан приказал:

– Слушай сюда, боец. Где ротные живут, знаешь? – Красноармеец суетливо кивнул, все еще ровным счетом ничего не понимая. – Тогда ноги в руки – и бегом. Чтобы через пять минут все пятеро были в штабе. Через пять – и ни секундой позже! Понял?

– Понял, – ошарашенно пробормотал тот. – Так это, а чего им говорить-то? Учебная тревога?

– Просто скажи, комбат вызывает. Остальное не твоего ума дело. Ключи от кабинетов дай – и дуй, одна нога здесь, вторая тоже. Пять минут!

– Есть, – пискнул сержант, протягивая связку ключей. И торопливо порысил к дому комсостава, гулко бухая по утрамбованной земле плаца солдатскими ботинками.

Командиры стрелковых рот, лейтенанты, как услужливо подсказала память реципиента, Степцов, Куренок и Герадзе прибыли на восьмой минуте – Сергей специально засек время. Не для того, разумеется, чтобы попенять подчиненным за опоздание, просто по вбитой в подкорку привычке, не пойми чьей, то ли его собственной, то ли капитана Минаева, то ли обоих. Лейтенант Исаев, командир пульроты, и командир минометчиков, мамлей Паршин задержались еще на две.

Выглядели все без исключения ротные изрядно помятыми и... ну, пусть будет удивленными. Явно не ожидали ничего подобного в половине первого ночи. Тем более что накануне и банька была, и кино в клубе, и предвкушение выходного дня. Ну и приняли понемногу на грудь, разумеется, личное время же. Облом, одним словом...

Выслушав нестройный доклад, Кобрин кивнул на расставленные вдоль стола для заседаний стулья:

– Присаживайтесь, товарищи командиры. Можете курить.

Офицеры... в смысле командиры шумно расселись, грохоча ножками стульев по вышарканному подошвами дощатому полу. Судя по выражению лиц, никто из них пока ничего не понимал. От слова «совсем», уж больно не походило все происходящее на объявление тревоги. Несколько секунд капитан молча глядел на подчиненных, затем прокашлялся и заговорил короткими, отрывистыми фразами:

– Значит, так, товарищи. Прошу выслушать то, что я скажу. Как говорится, без комментариев. Информация абсолютно достоверна и сомнению не подлежит. Примерно через три часа, в районе половины четвертого утра, начнется война. По распоряжениям наших войск в приграничной полосе будет нанесен массированный авиационный и артиллерийский удар. После чего немецкие войска вторгнутся на советскую территорию с нескольких направлений. Вероломно и без предъявления Советскому Союзу каких-либо претензий, – на всякий случай добавил он, припомнив, как вскоре будет официально объявлено по радио Молотовым.

Оглядев ошарашенно переглядывающихся лейтенантов, Кобрин невесело усмехнулся про себя. Похоже, ожидали услышать что угодно, но только не это. Удивительно, что еще ни одного вопроса не задали: настолько удивлены, что просто не знают, о чем именно спрашивать. Вот и хорошо, главное, чтобы особо думать не начали, растекаясь мыслью по древу – в бою есть только приказ, который надлежит исполнить от сих до сих, все остальное вторично и вредно. Так что нужно дожимать, отдавая конкретное и понятное до последней буквы задание:

– Потому приказываю: немедленно и скрытно поднять вверенные вам подразделения по боевой тревоге. Вскрыть оружейные комнаты и раздать бойцам оружие, выдать боекомплект и сухие пайки на три дня. Боеприпасов брать по максимуму, сколько смогут унести. Все вы неоднократно тренировались и отлично знаете, что делать. На все – один час. Медики и связисты уходят вместе со всеми, хозвзвод туда же, с оружием, разумеется. Сейчас им место в бою. Полевые кухни бросить. По истечении этого срока батальон выходит из пункта постоянной дислокации вот сюда. – Кобрин ткнул карандашом в

расстеленную перед ним карту. – К трем часам утра нужно подготовить позиции, вот здесь и здесь. Скрытно подготовить! Отдельно довожу, все должно проводиться в атмосфере строжайшей секретности, с соблюдением максимальной светомаскировки. Потому личный состав из расположения будет уходить своим ходом.

– А автомашины, у нас же транспорт имеется? – не выдержал комроты-три, лейтенант Куренок. – Виноват, товарищ капитан, перебил.

Кобрин несколько секунд размышлял – в распоряжении батальона имелось три полуторки, приданные им из состава автороты дивизии. Использовались старенькие, еще первых выпусков грузовики в основном для вспомогательных целей: привозили продукты, почту, транспортировали в госпиталь и обратно больных.

– На одну погрузить и эвакуировать в Минск семьи комсостава, у кого имеются, и вольнонаемный персонал. Пусть двигаются по шоссе на Белосток – Барановичи, оно сейчас наверняка свободно. Без вещей, брать только документы и матценности. Гражданским объяснить, чтобы там не задерживались, при первой же возможности уезжали глубже в тыл, пока поезда еще ходят. Перед отправкой провести беседу о нераспространении панических слухов! Оставшийся транспорт переходит в распоряжение младшего лейтенанта Паршина, минометы нам очень понадобятся. Лейтенант, мин бери по максимуму, сколько в кузов влезет, понятно? Пригодятся. После разгрузки машины отправить в тыл, шоферам объяснить, что возвращаться обратно в расположение нельзя, пусть шуруют на Белосток. Стоп, а где командир взвода ПТО? – внезапно нахмурился Сергей. Конечно, аж целых две «сорокапятки» – не шибко много, но хоть что-то.

– Так это, тарщ капитан, в отпуске он, – удивленно ответил Паршин.

– А, точно. – Кобрин сделал вид, что и на самом деле «вспомнил», хотя на сей раз память Минаева отчего-то подвела. Или реципиент и вправду об этом забыл.

– Бери противотанкистов под свое командование, одну машину им под боеприпасы. Пушки на гужевой тяге пойдут, лошади у нас имеются. Короче, разберись. Вопросы? Пять минут, не больше.

Несколько секунд в кабинете царило молчание, затем ротный-раз Степцов неуверенно спросил:

– Товарищ капитан, а это... точно? Ну, насчет войны?

– Полагаешь, лейтенант, немцы тебя должны были письменно известить? За три дня, заказным письмом? – Ротные тускло заулыбались немудреной шутке.

Наклонившись через стол, Кобрин негромко произнес, поочередно взглянув в глаза каждому из пятерых:

– Мужики, хочу, чтобы вы поняли, войны именно так и начинаются. Именно так – и никак иначе! Когда вас будят среди ночи, с похмелья или выдергивая из объятий любимой женщины, и дают один час на все про все. Один сраный час, мать его! Шестьдесят долбанных минут! – не сдержавшись, он грохнул кулаком по столешнице. – Потому что через два здесь останется одно пепелище и куча обгорелых, разорванных в клочья трупов, которые были вашими бойцами, женами и невестами и которых вы не успели вовремя вывести из-под удара! Да, чтобы вы не сомневались, вот. – Кобрин потряс перед лейтенантами плотным конвертом со сломанными сургучными печатями, найденным в сейфе перед их приходом, – что находилось внутри, он и понятия не имел.

– Приказ из штаба полка пришел полчаса назад. Так что все точно... к сожалению. Сверим часы, товарищи командиры. Сейчас без четверти час, ровно без пятнадцати два я хочу видеть, как батальон покидает пэпэдэ. Любое промедление без объективной причины буду рассматривать как саботаж, вредительство и пособничество противнику. С этого момента действует закон военного времени со всеми вытекающими, вплоть до расстрела!

– А ежели машина, допустим, не заведется? – переспросил Паршин.

– Бросать к такой-то матери! Это касается любой неисправной техники и вооружения. Лишний груз с собой не тащить, ремонтировать будет некогда и негде. И некому. Только не вздумайте ничего поджигать, немцы мигом заметят.

– Так врагу ж достанется?!

– Вот пусть враг с этим бараклом и мучается, – хмуро буркнул капитан. Судя по всему, не убедил – пришлось рыкнуть: – Чего непонятно?! Вам что важнее, железяки сломанные или живые люди? Совсем охренели? Бегом отсюда, время пошло!

После ухода подчиненных Кобрин несколько минут просто сидел, собираясь с мыслями. Вроде все сделал правильно – ничего другого за два с небольшим часа до нападения уже не придумаешь, будь ты хоть трижды гением. Он не в силах ничего изменить стратегически, но вполне способен увести людей из-под первого удара, заодно нарушив первоначальные планы гитлеровцев. Сейчас под его командованием больше 700 человек, из которых реальных бойцов, обученных вести боевые действия, – примерно две трети. Больше десятка станковых пулеметов, девять 82-мм минометов и две легкие пушки. Много это или мало? Смотря для чего. Скажем так: для того что он задумал, достаточно. Наверное. По крайней мере, очень хотелось бы в это верить...

Ладно, хватит тормозить, есть чем заняться – вон хоть штабными документами. Самое важное упаковать в переносной сейф и забрать с собой, остальное уничтожить. Надымит сейчас, несмотря на распахнутые окна... в принципе можно и без особого фанатизма, все равно после немецкого артонала здесь наверняка камня на камне не останется.

Сергей почти закончил возиться с документами – то, что оставлять было никак нельзя, он сжег в жестяной раковине, завоняв кабинет дымом, остальное просто изорвал, швыряя обрывки на пол, – когда дверь без стука распахнулась от сильного рывка со стороны коридора, и на пороге возник командир в форме младшего лейтенанта НКГБ. Судя по расстегнутой на груди гимнастерке, косо натянутой портупее и зажатой в руке фуражке, нежданный гость из всех сил спешил добраться до штаба. Сергей мысленно хмыкнул: а вот и особист. Кстати, что-то долгонько он – Кобрин нисколько не сомневался, что среди ротных или взводных непременно найдется если не стукачок, то просто сомневающийся, который побежит искать контрразведчика или попытается самостоятельно звонить вышестоящему начальству.

Правда, с вытянутым из постели ничего не понимающим телефонистом комбат успел переговорить лично, под угрозой расстрела запретив без его личного распоряжения производить любые звонки, а все входящие переводить на его номер (телефон в кабинете имелся).

Кобрин невольно ухмыльнулся, припомнив тот разговор:

– Сержант, ты все понял? С этой секунды ты никого и ни с кем без моей команды не соединяешь. Даже если особисту позвонит командующий корпусом... да хоть сам товарищ Берия, переводишь звонок на меня! Перед уходом обрезать все провода и разбить телефоны. Ты меня слышишь? – выдернув из кобуры пистолет, Сергей вдавил ствол в висок бледного, едва не теряющего от ужаса сознание телефониста. И рявкнул, приводя того в чувство: – Сержант! В глаза смотреть! Повторить приказ!

Кобрин прекрасно понимал, что его «зомбирования» надолго не хватит, но до выхода батальона из расположения телефонист скорее всего будет послушен. Поскольку только наивный и далекий от воинской службы человек может допустить, что до сержанта не дойдет его приказ «о начале войны» – скрыть подобное от связиста в армии абсолютно невозможно. Слухи о войне растекутся мгновенно. Просто, после того как последний красноармеец покинет ППД, все это уже не будет иметь никакого значения.

И вот, наконец, пожаловал и контрразведчик. Ну сейчас начнется...

Не ошибся, разумеется:

– Степаныч, ты чего, сука, творишь?! – От двери заорал тот, вваливаясь в кабинет. – Под трибунал захотел?! Так и я следом за тобой пойду! Что за самоуправство, зачем батальон среди ночи поднял? Паникером заделался?

– Сядь и отдышись, – поднявшись на ноги, Кобрин обошел стол и силой усадил особиста на ближайший стул. Тот молча повиновался, шумно дыша и отирая тыльной стороной ладони взмокший лоб – видать, бежал откуда-то. – Сейчас объясню.

– Да уж постарайся... – бросив на стол фуражку, глухо буркнул тот, стараясь успокоить дыхание.

– Без четверти четыре утра немцы начнут артподготовку и массированные бомбардировки нашей территории. Затем они пересекут госграницу и начнется наземная часть операции. Это война. Та самая, которой мы все ждем, но отчего-то делаем вид, что ничего не знаем. Времени у нас почти не осталось. Вот я и

делаю то, что обязан сделать, как боевой командир и ветеран, прошедший две войны: вывожу батальон из-под первого удара и спасаю жизни моих бойцов.

– Что за хрень?! – вскинулся особист, рывком дотянувшись до графина с водой. Несколько секунд он жадно пил, гулко «гылкая» и проливая на подбородок и грудь. Наконец, звякнув посудиной о столешницу, продолжил, чуть успокоившись: – Ваня, ты вообще хоть понимаешь, что делаешь? Ты что, приказ получил? Так ведь не было никакого приказа, я бы знал! А значит, что выходит? Самоуправство и паникерство выходит, если вовсе ничего похуже! Под трибунал же загремишь! Забыл, какое время на дворе? Забыл? Провокации едва ли не ежедневно, фашист от нас только и ждет, что купимся, что поведемся на их задумку. Помнишь, что политрук постоянно говорил? Не поддаваться на провокации! И тут ты, боевой командир, как сам только что сказал, такое творишь...

– Хватит. – Кобрин хлопнул по столу ладонью, внезапно вспомнив имя особиста: Виктор. Младший лейтенант госбезопасности Виктор Зыкин. – Довольно, Витя. Все я прекрасно помню и знаю. Но сведения точные, примерно через два часа начнется война. Нравится тебе это или нет, но все именно так и обстоит. И мои ребята не погибнут спящими под немецкими бомбами, а окажут противнику достойное сопротивление! И, кстати, чего ты, собственно, боишься? Если немец нападет, сам понимаешь, победителей не судят, я буду всецело прав и все такое. Если же подвергся панике – так мне и отвечать. Ты ведь ни о чем не знал, верно? И ротные это подтвердят. Вали все на меня. Или даже так. – Расстегнув кобуру, Сергей грюкнул о стол пистолетом. Зыкин напрягся, но, заметив, что комбат тут же убрал от оружия руку, расслабился. – Пистолет видишь?

Особист, непонимающе нахмутив лоб, мрачно кивнул.

– Значит, имеешь полное право заявить, что пытался мне помешать, но я угрожал тебе личным оружием, не позволив этого сделать. – Кобрин убрал «ТТ» обратно.

– Ну ты и псих... – задумчиво протянул тот.

– Угу, мне это уже говорили, – усмехнулся капитан, припомнив сказанное в далеком будущем пилотом штурмового гравилета огневой поддержки. – Так что я в курсе.

– Что хоть за сведения? Откуда?

– Да какая тебе разница? – отмахнулся комбат. – Все равно ж не согласишься... и не согласишься. Знаю – и все тут. Точка. Слушай, Витя, давай так: если до четырех утра немцы не ударят, даю тебе слово командира и коммуниста, возвращаю батальон в пэпэдэ, сдаю оружие и добровольно иду под арест. И тут же пишу явку с повинной, можешь сам выбрать, кем мне быть – паникером, провокатором, вредителем или немецким шпионом. Да хоть застрелюсь, все меньше волокиты будет. Идет?

– Писец... – тоскливо протянул Зыкин. – Все равно мне теперь уже тоже не отмыться... Ладно, хрен с тобой, делай, как знаешь. Но я буду все время рядом с тобой, ясно?

– Договорились, – хмыкнул Кобрин. – И, кстати...

Он не договорил: в дверях появился ротный-три Куренок:

– Тарщ капитан, разрешите доложить... ой, здоровья желаю, товарищ младший лейтенант государственной безопасности...

– Короче, – рявкнул Кобрин.

– Батальон к маршу готов. Разрешите начать движение?

– Молодец, лейтенант, – одобрительно кивнул Сергей, бросив взгляд на наручные часы. – На десять минут раньше срока справились. Командуй, маршрут знаете. Вперед.

Покидая последним разгромленный кабинет, усеянный обрывками бумаги и носимым по полу невесомым пеплом, капитан Кобрин автоматически выключил свет. Просто по привычке...

22 июня 1941 года, 03.43 утра

Подсвечивая фонариком, Кобрин в последний раз сверился с картой, аккуратно сложил ее и убрал в полевую сумку. Что ж, вроде все правильно, ничего иного он бы все равно уже сделать не успел. Батальон занял позиции в нескольких километрах от границы, на южном фланге Сувалковского выступа, который прикрывал 86-й Августовский погранотряд.

В реальной истории, той самой, которую изучал перед переносом в прошлое Сергей, расположенная в Граево 5-я комендатура погранвойск НКВД, включающая в себя четыре погранзаставы – порядка двух сотен бойцов, – вступила в бой в первые минуты войны. На подавление застав гитлеровским командованием выделялось не более часа: планировалось, что с этой задачей справятся пехотные подразделения силами максимум до батальона при поддержке полевой артиллерии и минометов. Но планы противника оказались сразу же нарушены: несмотря на часовую артподготовку и серьезные потери, дрались пограничники мужественно и стойко. И даже когда подошли танки и бронетранспортеры с мотопехотой, они продолжали вести бой, уничтожая бронетехнику гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Тогда же плечом к плечу с пограничниками в бой вступили и подразделения 239-го стрелкового полка. И все же к восьми утра части полка вместе с уцелевшими бойцами 5-й комендатуры вынуждены были отступить, организованно отходя на восток. Поскольку обещанная комендантом района помощь в виде частей Красной Армии второго эшелона так и не подошла – да и не могла подойти, также оказавшись под ударами немецких бомбардировщиков.

И сейчас знающий, как все будет происходить, Кобрин решил подпереть пограничников с тыла, перекрыв шоссе на Осовец и далее – Белосток, благо болотистая местность вполне позволяла сделать это даже силами всего лишь одного батальона. Других дорог поблизости не было, а обойти пехотинцев с флангов гитлеровцы не могли, буквально в сотне метров от невысокой насыпи начинался болотистый лес – насыщенная влагой почва не выдержала бы не то что танк или бронетранспортер, но даже мотоцикл. Так что им оставалось двигаться только вперед по довольно узкому двухрядному шоссе.

Практически идеальное место для засады... если бы только в распоряжении комбата имелось больше противотанковых пушек, хоть одна полноценная батарея! На замаскированную неподалеку от обочины артпозицию Сергей

особенно не надеялся: хорошо если успеют поджечь пару-тройку танков или БТР. Именно поэтому основной задачей артиллеристов было запереть колонну вражеской техники в огненном мешке, подбив головную и замыкающую (если позволит дистанция) бронемашину, и добавить паники, обстреляв осколочными гранатами транспорт с мотопехотой в середине. Гораздо больше надежд Сергей возлагал на пулеметную роту и минометчиков: все-таки дюжина станковых «максимов» – это сила. Не говоря уж про три взвода 82-мм минометов, стрелять которым предстояло с закрытых, не простреливаемых со стороны дороги позиций: места Кобрин выбирал лично. И маскировку тоже контролировал лично – в том, что противник, всерьез получив по морде, вызовет авиаподдержку, он практически не сомневался. В общем, если все пойдет, как он планировал, есть весьма неплохой шанс устроить фрицам – к месту вспомнилось пришедшее из глубины веков прозвище – горячий прием. А там и погранцы подойдут, ударив по немцам с фланга, – не зря ж он именно здесь позицию выбрал. Местность они знают как свои пять пальцев, налегке без проблем пройдут между болотами.

Ровно в три часа утра он вызвал по открытому каналу связи Августовский погранотряд – раньше не стал принципиально, поскольку понимал, что ему все равно не поверят. А вот со штабом полка и дивизии связаться так и не удалось, хотя до Суховоля радиостанции должны были «добивать» без проблем: связь, с точки зрения Кобрина, в этом времени оказалась просто ужасной. Погранцы же, как ни странно, ответили сразу. Представившись, Кобрин озвучил наспех придуманную версию событий: его бойцами ликвидирована крупная диверсионная группа противника из состава полка спецназначения «Брандербург-800», одетая в форму бойцов РККА и переброшенная на нашу территорию для совершения диверсий. В ходе экспресс-допроса получена не подлежащая сомнению информация о начале полномасштабного вторжения между половиной четвертого и четырьмя утра.

Поскольку после этих слов комендант района, мягко говоря, выразил сомнения в достоверности сведений, напомнив о непрекращающихся провокациях и множестве перебежчиков, уже месяц обещавших начало войны, Сергей озвучил вторую часть заранее продуманного разговора: «Мол, если не веришь, майор, так у тебя еще целых полчаса до появления в небе немецких бомбардировщиков. А вот когда они пролетят, останется еще столько же, чтобы объявить боевую тревогу, вывести людей из казарм и занять огневые точки укрепрайона. Дальше, мол, поступай, как считаешь нужным, он, комбат Минаев, сделал все что мог. Вот только, когда поверишь, когда увидишь над головой бомберы, постарайся предупредить всех, с кем имеешь связь. Особенно Брестский погранотряд и штаб корпуса. И еще, отступать следует вот в этом

направлении, когда мы немцев тормознем, ударишь всеми оставшимися силами и средствами с фланга, поскольку со стороны болотины противник вас никак ждать не будет, а нам поможет. Дальше уходить станем вместе».

И первым разорвал связь – говорить больше было не о чем. Не выслушивать же, что они, мол, отступить не собираются, и он им ни разу не указ...

– Без семнадцати, – бросив взгляд на запястье, бесцветным голосом сообщил Зыкин, зябко передернув плечами: в овражке, где капитан разместил свой КП, несмотря на июнь, было весьма прохладно. Утренний туман вошел в самую силу, скрывая от взгляда расположенные даже в десятке метров кусты, со стороны недалекого болота несло сыростью, над ухом нудно звенели комары. – Ну, и где они?

– Не переживай, будут точно в срок, – иронично хмыкнул Сергей, прихлопывая на щеке очередного кровососа. – Немец – он существо педантичное и к точности с детства приученное, и хотел бы – не опоздал. О, да вон оно, собственно, и начинается – Кобрин дернул головой. – Слышишь?

– Слышу... – мертвенным голосом прошептал особист, внезапно сухо закашлявшись от волнения. – Неужели правда?!

– Увы, я ж тебе говорил. Ты в небо гляди, а то вдруг самое интересное пропустишь. – Комбат длинно сплюнул под ноги. – Старшим по званию товарищам, Витя, верить нужно, вот что!

А с запада, со стороны границы неумолимой волной накатывался, с каждой секундой становясь все сильнее, гуще, воющий звук сотен авиационных моторов. Меньше чем через минуту над головой прошли первые девятки двухмоторных бомбардировщиков, кажущихся на фоне светлеющего неба абсолютно черными.

Кобрин бросил на Зыкина быстрый взгляд: задрал голову, контрразведчик беззвучно шевелил губами, видимо, считая самолеты. Сжимающие шейку приклада пистолета-пулемета пальцы младшего лейтенанта побелели от напряжения. Ну, вот и поверил...

– Сколько же их... – ошарашенно прошептал Зыков, взглянув на комбата полубезумным взглядом. – Значит... и на самом деле война?!

– Нет, Витя, это они просто полетать вышли, утренняя прогулка у них, да с дороги случайно сбились, – и неожиданно рявкнул, решив, что сейчас – самое время: – А ну, приди в себя! К бою, лейтенант! Ты красный командир или барышня кисейная? – Откуда пришло в голову подобное сравнение, Кобрин так и не понял, похоже, из памяти реципиента. – У нас тут, между прочим, типа война началась, если не заметил! И хватит автомат мацать, отломишь приклад, как стрелять станешь? Ну, пришел в себя?

– Так точно, – отчего-то по-уставному сообщил Зыкин, с трудом разжимая сведенные судорогой пальцы. – Простите, товарищ капитан, за недоверие... извини, Степаныч! Но откуда ты все-таки знал?

– Потом расскажу, сейчас некогда, – пожал тот плечами. – Да не дергайся ты, сейчас артналет начнется, так что у нас еще больше часа. Пойдем по позициям пробежимся, бойцов подбодрим, маскировку проверим. Хватит комаров кормить...

В этот момент подал голос связист, устроившийся со своей радиостанцией в нескольких метрах от командиров:

– Товарищ капитан, тут вас это, Гродно вызывает, штаб корпуса. Генерал-майор Егоров на связи.

– Проснулись, – мрачно буркнул Кобрин, переглянувшись с особистом. – Самое время... ладно, давай поговорим.

Приняв из рук радиста наушники и непривычного вида тангенту, Сергей зажал клавишу и ответил:

– Командир батальона 239-го стрелкового полка капитан Минаев слушает.

– Ты чего там учудил, капитан?! Что за самоуправство?! – заорал наушник раздраженным голосом комкора. – Почему батальон без приказа покинул расположение? Почему мне об этом сообщают из погранотряда? Почему ни

комдив, ни комполка не в курсе твоего самоуправства? Какая еще война сегодня утром?! Под трибунал захотел, провокатор хренов?!

– А вы на улицу выйдите, товарищ генерал-майор, да в небо поглядите. Там вам и ответ будет. И мой вам совет, отдайте приказ на немедленный выход всех подразделений корпуса из пэпэдэ по боевой тревоге. Немедленно! Хотя, пожалуй, поздно уже.

– Ты что себе позволяешь, щенок?! – ахнул прижатый к уху наушник. – Да я тебя в пыль, в порошок, под расстрел...

И в этот момент раздались первые гулкие удары артиллерийских разрывов, приглушенные расстоянием и туманом. Первый, второй... восьмой. Спустя несколько секунд грохотало по всему фронту – и со стороны госграницы, и в направлении Граева и Августова; десятки и сотни взрывов мгновенно слились в монотонный рокошущий гул артподготовки. Утреннее небо с несколькими пушистыми облачками подсветилось тысячами коротких всполохов. Вот и все, началось...

С напряженным лицом слушавший разговор Зыкин вздрогнул, автоматически бросив взгляд на наручные часы. Стрелки показывали ровно четыре утра.

– Слышите, Евгений Арсентьевич? – припомнив имя-отчество генерал-майора (а заодно и его дальнейшую незавидную судьбу, закончившуюся расстрельной стенкой в пятидесятом году), переспросил Кобрин внезапно замолчавшего комкора. И, не дождавшись ответа, зло dokonчил: – Генерал, мать твою, это война! ВОЙНА! И она УЖЕ началась! Отдай приказ вывести людей! Может, хоть кого-то спасешь. Распорядись начать немедленную эвакуацию гражданских в тыл! Конец связи.

Впихнув в дрожащие руки окончательно обалдевшего от услышанного радиста наушники и микрофон, Кобрин затейливо выругался. Немного успокоившись, тронул за плечо особиста, напряженно глядящего в сторону Граева, над пригородом которого уже встало могучее зарево, ежесекундно подсвечиваемое вспышкой очередного взрыва:

– Ты все верно понял, Витя, в аккурат по нашему пэпэдэ лупят. И по всем остальным разведанным целям, на всю глубину, куда гаубицы достают. А

дальше уж бомбардировщики работают. У пограничников сейчас и вовсе ад, по ним в первую очередь долбанули. Надеюсь, они все-таки успели уйти и занять укрепления.

– Ровно в четыре начали... – ни к кому конкретно не обращаясь, хрипло прошептал контрразведчик. – Ровно в четыре... В точности, как ты и предупреждал...

Похоже, именно факт выверенного до минуты начала артподготовки поразил Зыкина больше всего.

– Ну, так говорил же тебе, немец – существо педантичное, обещал в четыре – значит, в четыре, получите и распишитесь. Все, Витя, соберись, нам теперь долгонько расслабляться не придется. И вот что, товарищ младший лейтенант, пошли-ка к бойцам, как бы паники не возникло. Личный состав у нас в основной массе необстрелянный, нервы у всех на пределе, а нам еще воевать и воевать. Года, я так меркую, три-четыре, не меньше.

Зыкин бросил на него быстрый взгляд, хотел было что-то спросить, но отчего-то передумал, понуро опустив голову.

* * *

По позициям батальона Кобрин с мамлеем бродили почти час: Сергей разговаривал с бойцами, много шутил и балагурил, в то же время постоянно придираясь к глубине наспех отрытых стрелковых ячеек и пулеметных позиций, оформлению противопульных брустверов и качеству их маскировки. Несмотря на то что с этими парнями его разделяло больше двух веков, он прекрасно понимал, что главное сейчас – не дать им погрузиться в пространные размышления о тех событиях, что происходили в нескольких километрах; не допустить, чтобы они испугались и запаниковали по-настоящему. Солдат во все времена должен быть по максимуму занят делом, простым и понятным, будь то копание окопа, чистка оружия или снаряжение пулеметных лент. Думать положено командиру; подчиненный же должен быть всецело уверен в его правоте. Все остальное лишь мешает делу.

Самое интересное, бойцы это, похоже, если и не понимали, то наверняка ощущали на некоем подсознательном уровне. И без споров и косых взглядов на строгого «батю» брались за малые пехотные лопатки, все глубже вгрызаясь в податливую белорусскую землю, углубляя стрелковые ячейки, вырубая в стенках ступеньки и ниши для боеприпасов и отсыпая положенные уставом брустверы.

Дольше всего капитан задержался у минометчиков, на которых возлагал основную надежду: девять «БМ-37» – конечно, не полноценная артбатарей, но все равно более чем серьезная сила. Во время подготовки к прохождению «Тренажера» его учили, что миномет в этом времени по боевой эффективности приблизительно приравнялся к артиллерийскому орудью равноценного калибра, а по осколочному воздействию на противника порой и превосходил его. Да и бронетехнике не поздоровится, коль наводчик ухитрится уложить трехкилограммовый подарок прямо в верхний броневой лист башни или моторный отсек. Ознакомившись с составленными командирами расчетов огневыми карточками и проверив нарезанные ими сектора обстрела, Кобрин остался доволен. А заодно заслужил уважение артиллеристов, когда напомнил, что при стрельбе с рыхлой и влажной почвы ствол имеет особенность несколько перемещаться назад за счет уплотнения грунта под опорной плитой, и после нескольких выстрелов необходимо корректировать прицел. По-хорошему стоило провести пристрелку, благо вокруг было достаточно шумно, и вряд ли кто обратил бы внимание на полдесятка непонятных взрывов, но Сергей не рискнул, опасаясь рассекретить позиции. Вдруг по закону подлости именно тут окажется какая-нибудь РДГ из состава помянутого им в разговоре с пограничниками «Бранденбурга» – и все труды насмарку. И засаду засветит, и людей потеряет. К слову, разведгруппа вовсе не обязательно будет именно из «Бранденбурга»: в эти дни в нашем тылу кого только не было, и абверовские разведчики, и спецподразделения СС, и... да мало ли.

К тому времени, когда комбат, закончив «инспекцию», вернулся на КП, над головой завывали моторы возвращающихся на аэродромы для дозаправки и пополнения боекомплекта бомбардировщиков, идущих теперь в обратном направлении – на запад. Проводив взглядом самолеты, на серо-голубых плоскостях которых теперь четко просматривались подсвеченные встающим солнцем бело-черные кресты, Сергей лишь сдавленно выматерился: возвращались бомберы почти в полном составе. Похоже, историки прошлого, на чьи труды ссылались преподаватели академии, не вдали – серьезного противодействия люфтваффе в первые дни войны не оказали ни ПВО, ни истребительная авиация. А он-то, был период, сомневался, искренне веря, что фотографии разгромленных на рассвете аэродромов, заставленных островами

сгоревших «Ишачков» и «Чаяк», – единичные случаи и случайный успех немецких асов. Оказалось, нет. К сожалению...

Покосившись на глядящего в небо комбата, зло играющего желваками, Зыкин неуверенно сообщил:

– Ну, ты это, Степаныч... не психуй, что ли. Застали врасплох, всякое бывает. Сейчас наши летуны в себя придут, взлетят, да и вломят этим сукам по первое число. Сталинские соколы, все дела.

Взглянув на особиста, Кобрин невесело усмехнулся:

– Неа, Витька, не вломят, точно тебе говорю. Горят наши соколы на аэродромах, поскольку их никто не предупредил. Так и сидели до последнего, на провокации, блин, не поддаваясь.

– Как горят? – закаменел лицом мамлей.

– Жарко, Витя, горят, жарко, мать его! Как авиационный бензин с перкалью и прочим дюралем горит.

– Быть того не может!

– Может, – хмуро буркнул капитан, опуская голову. – Еще как может.

– Но...

– Все, товарищ младший лейтенант, закончили! – отрезал комбат. – Так что заткнись. И за бойцами следи, любые разговоры не по делу или панику там – пресекай, и жестко. Сейчас упаднические мысли страшнее немецких снарядов. Это приказ. Договорились?

– Так точно, товарищ командир батальона, – не остался в долгу особист, подпернув на плече ремень пистолета-пулемета. – А сейчас-то что делать, Степаныч?

– Ждать. Сидеть тише травы, ниже воды и ждать. Не думаю, что пограничники больше двух часов сдерживать смогут, так что дальше уж наша работа начнется. А подготовились мы что надо, все должно грамотно срастись. Заставим сук юшкой умыться.

– А потом? – поразмыслив несколько секунд, задал Зыкин новый вопрос: – Будем держаться, сколько сумеем? Ждать помощи? Так ведь она может и завтра подойти, продержимся ли?

– Не будет никакой помощи, – негромко, чтобы не расслышал радист, ответил Сергей. Обернувшись к товарищу и взглянув ему в глаза, жестко проговорил, поскольку давно уяснил для себя, что правильно и, главное, вовремя сказанное командиром, не вызвав отторжения, навечно отложится в памяти подчиненного: – Витя, учись анализировать и делать трезвые выводы, тебе еще Берлин брать! После такой артподготовки и бомбежки расположения наших войск на несколько десятков километров, а то и дальше перемешаны с землей. Вместе с ангарами с техникой, транспортом, складами боеприпасов, ГСМ, продуктов. Наверняка под удар попали и штабы, просто не могли не попасть. Там, в нашем тылу, на который ты так надеешься, – Кобрин мотнул головой в сторону востока, – сейчас полный хаос. Неразбериха. Тысячи погибших и раненых. Горящие города и воинские части. Разбомбленные железнодорожные пути и автодороги. Кстати, со связью тоже огромные проблемы – и диверсанты подсустились, и бомбардировщики. Это тебе понятно?

Шумно сглотнув, Зыкин молча кивнул.

– Потому и говорю – помощи не будет. Остановим немцев,ждемся пограничников, наверняка ж кто-то уцелел, и отступим. Организованно и без паники.

– Без приказа?! – ахнул особист.

Кобрин ухмыльнулся:

– Ну, вообще-то – и ты, так уж выходит, прямой тому свидетель, – мне вообще никто и никакого приказа не отдавал. От слова «совсем». И даже наоборот, это именно я отдал ЕДИНСТВЕННЫЙ за сегодняшнее утро приказ вывести батальон, чем спас его от гибели. – Он зло мотнул головой в сторону пылающего Граева. –

Вон оттуда, Витя. Где сейчас догорают наши казармы и склады. Так что, хочешь ты того или нет, но и приказ на отступление тоже отдам я. Или ты, если меня не станет, или кто-то из ротных. Это понятно?

Особист неопределенно пожал плечами: не то согласился, не то наоборот. Второе более вероятно.

– Ладно, лейтенант, довольно болтовни. Терпеть не могу с умным видом воду из пустого в порожнее переливать!

Произнеся крайнюю фразу, Кобрин мысленно рассмеялся: в своем времени он подобным образом никогда не говорил, видать, снова память Минаева вмешалась!

– Вот когда окоротим немца, тогда и продолжим наш спор. Если захочешь. А пока попробуй вон с пограничниками связаться. Постарайся выяснить, что у них там вообще происходит и как скоро нам гостей ждать.

Немцы появились спустя почти три с половиной часа. За время вынужденного безделья дважды связывались с Августовским погранотрядом – во время второго сеанса связь внезапно прервалась, и больше на запросы уже никто не отвечал, а в радиоэфире царил самый настоящий хаос. Над головой постоянно проходили сменяющимися друг друга волнами бомбардировщики, а около шести утра над позицией батальона пролетел разведчик. Появление авианаблюдателя заставило Кобрину слегка напрячься – зря, как выяснилось. Небольшой самолетик, поблескивая остеклением кабины, прошел своим курсом куда-то на восток, определенно не подозревая, что в километре под ним затаились, с опаской поглядывая в небо, советские бойцы.

Часов в семь в небе неожиданно затарахтели пулеметные очереди – невесть откуда появившееся звено краснозвездных «И-16» атаковало возвращавшиеся для дозаправки бомберы. Ничем хорошим самоубийственная атака не закончилась: «ястребкам» удалось повредить двигатель одному из бомбовозов, после чего сверху спикировали «Bf-109» прикрытия, в течение пары минут снеся с небосклона всех троих. Выброситься с парашютом удалось только одному из пилотов, но до спасительной земли он не добрался: ринувшийся следом «мессер» расстрелял повисшую под куполом беспомощную фигурку.

Примерно в половине восьмого на позицию батальона вышел старшина-пограничник в потемневшей от воды форме: пробирался напрямик, через болото. Боец сообщил, что уцелевшие части 5-й комендатуры вынуждены отступить на Граево под напором превосходящих сил противника. А его послали, чтобы проверить переданную утром по радио информацию о подготовленной батальоном засаде и, если сведения подтвердятся, скоординировать совместные действия. Напоив погранца горячим чаем с водкой, Кобрин расстелил перед ним потрепанную трехверстку, вкратце проинструктировав, что следует делать. Защитников границы уцелело порядочно, около сотни, большинство из них были вооружены автоматическими винтовками, имелось и несколько «ДП-27», так что немцев в самом скором будущем ждал весьма неприятный сюрприз. Обговорив условные сигналы, слегка обсохший и согревшийся старшина двинулся в обратном направлении. Радиостанции у «союзников» не имелось, так что сигнал к атаке предполагалось подать ракетами.

А затем, уже около восьми утра, появились немцы. Длинная колонна техники неспешно втянулась на простреливаемый на добрых полтора километра участок дороги. Первыми в качестве передового дозора тарахтели мотоциклисты и пара легких бронетранспортеров сопровождения, в полукилометре следом двигалась, растягивая за собой многосотметровый пыльный хвост, основная колонна наступающих войск. С дистанцией между отдельными боевыми машинами гитлеровцы особенно не заморачивались, выдерживая минимально возможную – видимо, торопились наверстать потраченное на бой с пограничниками время. Последнее порадовало наблюдавшего за происходящим в бинокль Кобриня особо: когда начнется бой, это сыграет с немцами злую шутку, лишив водителей возможности серьезного маневра, что неминуемо приведет к неслабому затору. Да и минометчикам будет раздолье, у 82-мм мин радиус сплошного осколочного поражения больше полусотни метров, можно будет одним разрывом накрывать по две-три легкобронированные цели.

Автоматически – мысли уже были заняты предстоящим боем – проверив маркировку патрона в казеннике сигнального пистолета, комбат взвел курок и поднял ствол в зенит. Взглянул на застывшего статуей Зыкина, напряженно сжимающего в руках автомат, ободряюще подмигнув особисту. Глубоко вздохнул – ну, вот и все, сейчас произойдет то, ради чего он перенесся на два с лишним столетия назад – и нажал на спуск.

В небе над дорогой с легким хлопком вспыхнула ракета одиночного зеленого огня. И спустя несколько секунд почти одновременно выстрелили обе

«сорокапятки», наводчики которых, как и было уговорено, заранее разобрали цели.

Глава 4

Шоссе Граево-Осовец-Белосток, 22 июня 1941 года, около 8 часов утра

Несмотря на то что до этого времени противотанкисты стреляли исключительно на полигоне по неподвижным мишеням, залп вышел на удивление удачным. Идущий в авангарде танк с желтым тактическим номером «R02» на башне, что означало принадлежность заместителю командира полка, внезапно вздрогнул, получив в борт болванку, развернулся поперек дороги и заглох, дымя разбитым двигателем. Торчащий по пояс из башенного люка танкист в приплюснутой наушниками пилотке и пылезащитных очках – не захотел париться в душном боевом отделении, за что и поплатился, – рванул было наружу, однако выбраться из башни не успел. Бронебойный снаряд повредил баки, и танк мгновенно превратился в ревущий огненный факел. Идущая следом бронемашина, угловатая «четверка» с белым трафаретным крестом на борту, резко отвернула в сторону, уходя от столкновения, – и застыла, съехав левой гусеницей на осыпающийся под двадцатитонным весом откос. Особой опасности, что танк перевернется, не было, но мехвод от неожиданности запаниковал, попытался перекинуть передачу и сдать назад и благополучно заглох. Одновременно примерно в полукилометре, в районе «хвоста» колонны, гулко бахнуло, и еще один из танков окутался пламенем. Этому болванка, проломив борт, угодила прямоком в боеукладку – в бинокль Кобрин видел, как подпрыгнула на погоне башня. Вышибленные ударной волной люки подбросило высоко в воздух; башня же, тяжело плюхнувшись обратно, медленно сползла вниз, уткнувшись в укатанную гусеницами и колесами землю куцом обрубком 75-мм пушки. Все, огневой мешок замкнут. Конечно, насчет «хвоста» колонны он погорячился, следом за подбитым панцером шли еще несколько танков и почти два десятка бронетранспортеров и грузовиков, сейчас торопливо сбрасывающих скорость и тормозящих вдоль обочин. Но на большей дистанции «сорокапятка» уже была бессильна против танковой брони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tarugin_oleg/kombat-vyrvat-sya-iz-kotla

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)